

Религиозно-философские мотивы в творчестве Игнатия Быковского

Гладкова Анна Александровна,
Витебский государственный университет имени П.М. Мащера
(г. Витебск, Беларусь)

В статье рассмотрены религиозно-философские мотивы в творчестве польскоязычного писателя Беларуси конца XVIII – начала XIX вв. Игнатия Яксы Быковского. Тема раскрывается на примере авторского осмысления канонической ветхозаветной книги Библии – Экклезиаста, также учитывается взгляд просветителя на религиозное учение Востока – зороастризм, представленный в философском трактате «Жизнь Зороастра или О происхождении звербов» (1799).

Создание стихотворных переводов библейских текстов – старая традиция в мировой литературе. Это связано с тем, что значительная часть Библии состоит из поэтических разделов и целых стихотворных книг. Библия рассматривает вечные вопросы бытия человека и Вселенной, поэтому ещё во времена Античности поэты создавали библейские парафразы, чтобы приблизить поэтику Библии, созданной в контексте древней восточной культуры, к западной аудитории.

Как известно, Экклезиаст – одна из самых поздних частей Ветхого Завета. Большинство исследователей относят книгу к III в. до н.э. В оригинале она называется «Кохелет», что переводится как «человек, говорящий в собрании, проповедник». Автор Экклезиаста принял главную идею языческой метафизики о циклическом движении Вселенной, где правит закон вечного возвращения. В книге отражена жизненная мудрость, опыт человека, который много видел и пережил, и над всем этим поставлена единая мысль о суетности бытия.

Своеобразной интерпретацией Экклезиаста стала поэма И.Быковского «Próżność, Próżności, i wszystko próżność» («Суета сует – всё суета»), включённая в сборник «Rozmyślania wieśniacze» («Сельские размышления») (1799). Поэт создал

собственный парафраз Экклезиаста, тематически близкий к оригиналу. Жизнь, по мнению Быковского, была тщетной, даже наука не смогла стать жизненным ориентиром: «Alić przepaści iey nie zgłębione! / Zaliż przeniknął który / Wszystkie cuda natury?» («Бездна нетронутых знаний! / Смог ли кто охватить / Природы чудесные тайны?») [1, с. 17]. Такую интерпретацию приобрёл отрывок из Экклезиаста о тщетности человеческой мудрости и умножении печали от умножения знаний (Эккл., ч. II). Постепенно автор перешёл к размышлениям о призрачной ценности власти, которая не несёт счастья человеку, о непостоянстве вкусов, невозможности иметь вечное блаженство, удовлетворяя свои потребности в пище и т. д. Пессимистическая тональность подкреплена ярким образным сравнением человека, который борется с трудностями земного бытия, с кораблём, гибнущим под напором волн у берега. Таким образом, жизненный цикл получил новую проекцию: замкнутое в границах земного существования движение переносится на последующие поколения. «Несчастья наших дедов / И нам познать придётся, / Потом и нашим детям / Хлопот тех не минут», – так автор повторил центральный мотив Экклезиаста о заданности бытия («Что было, то и будет; И что делалось, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем») [2, с. 885].

Авторский пессимизм достигал максимума в отказе от самой возможности рождения, причём Кохелет отдавал преимущество над мёртвыми и живыми тем, кто ещё не жил, потому что они ещё не познали земное зло, в то время как для Быковского отказ от рождения базируется на изменчивости земного счастья и ежедневных хлопотах. Как видим, у Кохелета главенствует общепhilosophическая трактовка проблемы бытия человека, тогда как писатель на первый план выдвигает индивидуалистические стремления личности.

Просветителя И.Быковского интересовал философский вопрос о субстанции души и вечности её существования. Поэт отмечал, что наука не в состоянии ответить на него. Как и Кохелет, И.Быковский придерживался креационистской идеи возникновения живой и неживой природы. Проводя параллель между человеком и животным миром, писатель противопоставлял животному инстинкту человеческий рационализм. По мнению просветителя, разумное начало выделяет человека из животного мира, в остальном боги создания похожи: «Równie się z nami rodzą / Y klóćą się i godzą, / Jeden też wszystkich zgon równie czeka» («Одинаково с нами рождаются, / И мирятся, и спорят, / Похожий конец всех ожидает») [1, с. 24]. Писатель был уверен, что материальное только создаёт иллюзию счастья. Используя художественный прием градации, И.Быковский с горечью констатировал: «Wszystko czas niszczy, psuje, odmienia» («Время всё изменяет, портит, разрушает») [1, с. 25]. Центральная тема творчества И. Быковского – тема нравственно-этического поведения, добропорядочности в убеждениях и поступках – заканчивает поэму, поэт призывает читателя быть милосердным и терпимым к поступкам других, потому что никто не застрахован от ошибок.

В 1799 г. в Вильно И.Быковский издал философский трактат «Zycie Zoroastra czyli Początek Gwebrow» («Жизнь Зороастра, или О происхождении гвербов»). Внимание писателя привлекла личность легендарного философа, древнеиранского пророка, основателя одной из древних религий Востока – зороастризма. Быковский использует греческую форму имени «Зороастр» вместо распространённого на Востоке варианта «Заратуштра» и традиционного в европейской и русской философии «Заратустра». Очевидно, просветитель заинтересовался изданной на французском

языке в 1771 г. главной книгой зороастризма – «Авестой», включающей собрание текстов зороастризма, жизнеописание Зороастра, фрагменты его произведений.

Философско-этическое эссе начиналось ответом на вторую часть вопроса, вынесенного в заголовок. Писатель поведал соотечественникам о гвербах, почитающих огонь как первооснову всего сущего. Идиллические картины жизни огнепоклонников сменились контрастным изображением времён вражды, и, наконец, появлением пророка, открывшего правду смертным.

Отметим, что образ Зороастра – искателя истины – трактовался писателем в контексте идей Просвещения, настойчивый поиск правды и знаний – одна из ключевых ценностей эпохи – стал определяющим в образе героя. Писатель рассуждает о человеческом разуме, способном познать законы мироздания, в чем видится ещё один концептуальный тезис Просвещения. Быковский трактовал личность Зороастра не как мага и астролога, а как просветителя и философа. «Полюблю добродетель и повсюду найду её», – говорит Зороастр, выявляя авторский мировоззренческий критерий [3, с. 77]. Просветление позволило Зороастру познать законы бытия, поэтому философ славит Бога-Творца и его мудрость. Зороастр осудил человеческие жертвоприношения богам, назвал подобное деяние преступлением, а таких богов – химерой. Обращаясь к правителям, Зороастр просит их заботиться о развитии наук, просвещении народа, утверждая, что чем ярче будет свет науки, тем лучше будет обществу. Безусловно, за таким высказыванием философа видится многострадальный опыт человечества и один из важнейших постулатов эпохи Просвещения, поддержанный И.Быковским. Устами героя писатель утвердил лучшие достижения своего времени – гуманизм и равенство прав людей, осудил деспотизм и развил, отдал предпочтению разуму и наукам, высоко оценил роль личности в истории.

Литература

1. Bykowski, J. Rozmyslania wiesniacze / J. Bykowski. – Wilnia : Drukarnia Piarow, 1799. – S. 16–28.
2. Экклезиаст // Библия. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1989. – С. 885–896.
3. Zycie Zoroastra czyli Początek Gwebrow // Kościół sławy : poema przez Ignacego Bykowskiego porucznika Woysk Rossyiskich wierszem polskim ułożone. – W Wilnie : W drukarni XX. Piarow, 1799. – S. 69–103.